

Кабинет главы специального подразделения ФСБ по работе с обладающими паранормальными силами.

Время действия немногим ранее возвращения Александра Петрова домой.

(повествование от третьего лица)

За столом перед большим монитором сидел седовласый хмурый мужчина с военной выправкой, он водил мышкой по столу и что-то печатал на клавиатуре. Руководитель одного из самых непростых и спорных подразделений российской спецслужбы работал в поте лица, непростые подчинённые постоянно преподносили сюрпризы, а ещё приходилось доказывать руководству необходимость существования подразделения «сверхов», так что он сочинял очередное письмо наверх, чтобы избежать сокращения финансирования. Раздался стук в дверь.

— Войдите, — произнёс хозяин кабинета.

— Здравия желаю, — вошёл в комнату высокий крепкий мужчина сорока лет, он одёрнул полы серого пиджака и поправил короткую чёрную чёлку. — Сергей Иванович, разрешите?

— Заходи, Миша, присаживайся. Что-то произошло? — оторвался от монитора Сергей Иванович.

— Я к вам по поводу Петрова, — сел на стул для посетителей Михаил.

— Это кто? — нахмурился руководитель подразделения.

— Иван Семёнович Петров, академик наук, работал в закрытом научно-исследовательском подразделении, месяц назад помер, — сказал Михаил. — Ваш предшественник пустил его в разработку.

— Миша, напомни, что там вообще за дело? Ты же знаешь, что я недавно принял дела в этом отделе, — потёр подбородок Сергей Иванович.

— Один из разработчиков сыворотки, с помощью которой пробуждали сверхспособности у добровольцев проекта «Сверхи», — начал Михаил. — Именно из-за них было организовано наше подразделение.

— Что там по этому делу?

— Академик Петров был заподозрен в хищении сыворотки «Сверхов». Чтобы вернуть препарат, академик был допрошен телепатом. Считать информацию не вышло, а Петров погиб от кровоизлияния в мозг. Было организовано списание на гражданку его сына, а за его квартирой

было установлено наблюдение с помощью технических средств.

— А с этим Петровым что не так?

— Недавно из Волгограда, именно там проживает Петров, пришёл отчёт от технического отдела, — продолжил Михаил. — В его квартире была обнаружена подозрительная активность, он долго пилил болгаркой металл. Специалисты предположили вскрытие тайника. Была проведена проверка. Мне утром лёг на стол отчёт.

— Думаешь, сыворотка могла остаться? — задумчиво протянул Сергей Иванович. — Вы что, его квартиру не обыскивали?

— Аналитики утверждают, что должно остаться три дозы препарата, но их так и не удалось найти. Волгоградским коллегам заявлено о биологическом оружии, — продолжил Михаил. — Квартиру академика несколько раз обыскивали ещё при жизни старика, если бы там был вмурован сейф или хорошо замаскированный тайник, его должны были найти. Всё же обыском занимались профессионалы. Оттого всё это выглядит подозрительно.

— Вышли Волгоградским коллегам запрос на полный и тщательный обыск жилища академика, — побарабанил пальцами по столу Сергей Иванович. — И знаешь, что, Миша? — задумался он. — Если тайник был, а для его вскрытия понадобилась болгарка, то должны остаться следы. Выясните, почему в прошлые разы ничего не было найдено. Для нас очень важно завладеть сывороткой, чтобы ученые могли её воспроизвести. Нам нужны новые Сверхи. Руководство в последнее время часто заводит разговоры о том, чтобы прикрыть наш отдел, нам следует продемонстрировать им результат.

— Так точно. Что делать с Петровым?

— Если сыворотка не найдётся, то Петрова военным самолётом доставить к нам на базу, пусть с ним поработает Максим.

— Но... — нахмурился Михаил. — Сергей Иванович, вы же знаете, что способности Максима весьма грубые. Его клиенты не жильцы. По первоначальному варианту за Александром Ивановичем ведётся слежка, он находит препарат, его задерживают и изымают сыворотку...

— Нам важен результат, — твёрдо припечатал Сергей Иванович. — Если Петров будет сотрудничать добровольно — хорошо, но... Если он уже знает о сыворотке? Миша, нам не нужна огласка. Тебе напомнить, что Сверхи проходят под грифом «Особой Важности»?

— Но ведь есть заверенный план, разработанный аналитиками, — попытался возразить Михаил.

— Действуйте! — завершил диалог Сергей Иванович.

***

Александр Иванович Петров.

(повествование от первого лица)

Такое знакомое чувство полёта в военном самолёте. Мне не раз приходилось летать подобными рейсами, но ещё ни разу в качестве гражданского пассажира, зажато между пары крепких парней в балаклавах. Обычно компания была примерно такая же, только я был одним из таких парней. Пятнадцать лет... Прошло два месяца со времени последнего полёта, и вот я снова на борту «чебурашки».

Чебурашка — народное прозвище Ан-72, до сих пор состоящего на вооружении ВКС России в качестве военно-транспортного самолёта.

Чем дальше, тем удивительней. Очень беспокоил тот факт, что вместо того, чтобы повезти в ближайший отдел ФСБ, меня транспортируют куда-то на самолёте, тем более на военном борту. Это просто невероятно! Подобное невозможно вообразить примерно так же, как если бы любого другого человека забрали из дома и увезли чёрт знает куда. Но богатый послужной опыт приучил стойко переносить трудности, поэтому я изображал воистину буддийское спокойствие.

Попытки вывести на диалог сопровождающих закончились ничем, они молчали, отчего казалось, будто они не люди, а биороботы.

Вскоре самолёт приземлился на военном аэродроме и меня повезли в тонированном фургоне в компании ещё нескольких присоединившихся спецназовцев. Через час мы оказались в какой-то закрытой военной части, таких мне довелось немало повидать, обычно в подобных местах располагаются центры подготовки спецназа, тайные лаборатории под патронажем спецслужб и тому подобные интересные заведения.

Примерно час я провёл в одиночной камере. Туда зашла пара молчаливых крепких парней в балаклавах и без знаков воинского различия, они отвели меня в кабинет, который не блистал изысками. Тут был лишь старый письменный стол и стальной стул, прикрученный к полу, на который меня с силой усадили. На втором стуле за столом сидел среднего роста сорокалетний мужчина с чёрными короткостриженными волосами и пронзительным взглядом карих глаз, на котором был такой же тёмный костюм, как и на чекисте в моей квартире. Конвоиры встали позади меня возле входной двери.

— Александр Иванович, — начал проникновенным тоном мужчина, — зовите меня Семён Семёнович. Вы знаете, почему находитесь тут?

— Нет.

— Зачем же вы врѐте? — ухмыльнулся чекист. — Коллега из Волгограда доложил, что вы не хотите идти на сотрудничество, а ведь речь идёт о безопасности страны. Ваш отец похитил три ампулы смертельно опасного биологического оружия, по нашим сведениям, вы их обнаружили. Одна ампула была найдена у вас при обыске. Не усугубляйте своё положение, просто признайтесь, куда вы дели две ампулы?

— Не знаю, о чём вы. При наведении порядка мне удалось обнаружить потайной сейф, всё, что там лежало, ваш человек из Волгограда уже изъял. Я законопослушный гражданин, зачем бы стал скрывать что-то опасное?

— Зря вы, Александр Иванович, не хотите с нами сотрудничать, — чекист слегка прикрыл глаза и покачал головой. Он достал мобильный телефон и нажал на вызов. — Максим, подойдите, пожалуйста, ко мне в кабинет.

Через несколько секунд, проведѐнных в тягостной тишине, дверь открылась, в кабинет зашёл парень. На вид ему было лет тридцать. Высокий и худой, слегка сутулый, длинные до плеч жидкие каштановые волосы, серые глаза были слегка навывкате — это придавало ему слегка безумный и удивлѐнный вид. От него ощущалась опасность, хотя внешне парень выглядел раздолбаем и хиляком. Чѐрный балахон с надписью «NIRVANA», рваные джинсы и кислотно-зелѐные кеды — не та одежда, которой ожидаешь от человека, работающего на спецслужбы, тем удивительней было видеть подобного кадра.

— Звал, Семѐныч? — хрипло спросил он.

— Максим, надо выяснить у Александра Ивановича, где лежат две ампулы с опасным препаратом, — кивнул на меня чекист.

— Он может кони двинуть, — окинув меня скучающим взглядом, невозмутимо произнёс Максим.

Понятно, что эта фраза мне не понравилась и напугала.

— Неважно, главное — результат, — оскалился Семѐн Семѐнович. — Или же вы, Александр Иванович, всё же поведаете мне интересующую информацию?

— Знаете анекдот про разведчика, которого пытали, а он не признавался, потому что не знал никаких секретов?

— Конечно, — кивнул чекист, — но это не ваш случай. Максим, приступайте.

В тот же миг пара спецназовцев сорвалась со своих мест, они крепко схватили меня, прижали к стулу так, что пошевелиться не было ни единой возможности. Профессионалы знали своё дело на пять с плюсом, тщательно зафиксированной головой невозможно было двигать. Семѐн Семѐнович отошёл в сторону, Максим обошёл стол и встал на освободившееся место. Он

перегнулся через стол, положил ладони мне на виски и пристально посмотрел в глаза.

Казалось, меня затягивает в гипнотический омут карих глаз, голова закружилась, в висках прострелила резкая боль, комната завертелась, и я провалился в темноту. Из темноты всплыли обрывки текста письма.

В коробочке, напоминающей портсигар, лежит одна доза препарата, пробуждающего сверхспособности. Я его собирался вручить тебе на совершеннолетие...

Ещё две дозы были предназначены твоим детям, моим внукам, которых я так и не увидел. Их я спрятал в тайнике. Ты тот тайник помнишь, поскольку играл рядом, когда я его делал...

Затем перед глазами всплыла картина моей дачи. Она сменилась изображением того, как я спускаюсь в погреб и вскрываю тайник...

Вновь появилась допросная комната, Максим уже стоял, потирал свои виски и морщился. У меня всё плыло перед глазами, голова раскалывалась и кружилась, зрение двоилось, я был полностью дезориентирован, из носа текла кровь. Боль нарастала...

— Ампулы спрятаны в погребе на его даче, — хрипло сказал Максим.

— Спасибо, Максим, можете быть свободны, — кивнул Семён Семёнович. — Что же вы, Александр Иванович, сразу нам всё не рассказали?

— Бесполезно, — покачал головой Максим. — У него инсульт. Сами знаете, моя способность к чтению мыслей несовершенная. Вряд ли он вас сейчас понимает, если вскоре вашего арестанта не доставить медикам, то он помрёт...

Дальше я не слышал, поскольку потерял сознание.

***

В себя пришёл как-то рывком. Сразу не понял, что происходит и где я. Белый потолок и бежевые стены, запах хлорки, пружинная стальная койка, раковина в углу, а главное, стоящая рядом с кроватью вешалка, на которой висела капельница, воткнутая мне в вену... Всё это намекало на то, что я в больнице.

Непонятно, почему в больнице, а не в гробу? После того, как я увидел самого натурального телепата, более того, на себе ощутил его топорную работу, вряд ли ФСБ меня отпустит. По идее, меня должны были уже убрать. Не было ни малейшей надежды на то, что у конторских дёрнется рука или проснётся совесть. Но я живой и в больнице, а это может значить одно из двух.

Во-первых, меня хотят завербовать, но это вряд ли. После такого допроса и моего отказа сотрудничать — завербовать могут лишь в смертники. Никто не будет подобным заморачиваться, поскольку недавнего солдата придётся слишком сильно ломать, тратить много времени, сил и средств. Проще обработать обывателя, который сам рвётся в смертники.

Во-вторых, мне могли сохранить жизнь в качестве подстраховки на случай, если телепат ошибся и придётся допрашивать повторно. Поскольку это действительно так, то уже скоро меня опять потащат на допрос, после которого проживу в лучшем случае сутки, пока не найдут ампулы. В худшем случае меня могут грохнуть в любую секунду, как только найдут препарат. Очень надеюсь, что никому не придёт в голову досматривать мусорную кучу возле дачи.

Надо валить — это единственный шанс сохранить жизнь. Лучше всего свалить в другую страну или даже мир. Если сыворотка действительно действует, то и прибор отца может оказаться рабочим. Но мне понадобится компьютер и телефон, поскольку смартфон от порталной пушки остался у чекистов.

Но вначале надо придумать, как сбежать.

Мои размышления были прерваны медсестрой, вошедшей в палату. За дверью удалось разглядеть пару бугаёв в форме спецназовцев и при оружии. Один из них, впуская медсестру, внимательно пригляделся ко мне.

Медсестра вынула из вены иголку.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

Я притворился парализованным. Не шевелился, не отвечал. Медсестра нахмурилась.

— Вы меня слышите? — спросила девушка. — Вас парализовало? Можете моргнуть?

В ответ я медленно моргнул левым глазом.

— Плохо, — вздохнула медсестра.

— Что с ним? — спросил приглушённым голосом охранник, внимательно следящий за происходящим через открытую дверь.

— Паралич после инсульта, но точный диагноз должен поставить доктор, — раздражённо ответила медсестра. — Сами не видите? Он даже говорить не может. Что можно делать с человеком, чтобы довести его до такого состояния?

— Хоть не сбежит, — с облегчением произнёс охранник.

Стоило медсестре удалиться, а двери закрыться, я перестал играть роль паралитика. Внимательно огляделся. Камер видеонаблюдения в палате нет — это хорошо, на окнах установлены решётки — плохо. Я хоть и могу двигаться, но последствия инсульта дают о себе знать, в глазах двоится, голова болит, в мышцах слабость. Сейчас с двумя бугаями не справлюсь. Был бы здоровым, то шансы имелись бы, но не сейчас. А бежать надо как можно быстрее, ведь шансы отъехать на тот свет благодаря яду или передозировке лекарственными препаратами гораздо выше вероятности погибнуть от последствий инсульта. В любом случае, остаётся лишь рисковать.

Как едва живой человек может обезвредить пару крепких и обученных парней, даже если он обучен тому же, что и они? На моей стороне фактор неожиданности, поскольку парни в охранении считают меня паралитиком. Решетку не выломать, оружия нет. Значит, необходимо оружие.

Единственное, что годилось на роль оружия — это стойка для капельницы, хотя в моём случае она больше пригодна для того, чтобы опираться вместо трости, ибо с трудом держусь на ногах.

Опираясь на эту конструкцию, я подошёл к двери и прислушался, поскольку в коридоре слышались мужские голоса, которые с наибольшей вероятностью принадлежали моим охранникам.

— Пойду куплю поесть.

— Давай, всё равно этот овощ никуда не денется, а мы не обедали.

— Я быстро.

Выждав немного времени, чтобы напарник удалился, я ударил стойкой об пол, отошёл вправо и прижался рядом с дверью, крепко сжав в руках вешалку. Дверь распахнулась, в проём заглянул спецназовец. Он насторожился, не увидев меня на кровати, резко потянул из кобуры пистолет, но я не зевал и обрушил на голову парня стойку, потом ещё и ещё раз, пока не вырубил его. Опыт не пропьёшь, даже в таком состоянии удалось вырубить крепкого охранника. Спецназовцы тоже люди, совершают ошибки и от удара по голове теряют сознание или, как минимум, их это дезориентирует. Это только в боевиках после такого «привета» герой даже не почешется и начнёт палить из пистолета.

Затащив тело парня в палату, я прикрыл дверь, забрал из ослабевшей руки пистолет, достал у него из заднего подсумка наручники и сковал пленнику руки за спиной. Быстрый обыск сделал меня обладателем тысячи рублей и корочки сержанта ФСБ на имя Степанова Дмитрия Алексеевича.

На мне была та же самая одежда, в которой ездил на дачу: старенькие армейские штаны и чёрная футболка, все пропахшие потом и мятые, а вот обуви поблизости не было. Так что пришлось в темпе разувать коллегу. Что обрадовало — его берцы оказались мне по ноге. Засунув пистолет сзади за ремень и прикрыв футболкой, я вышел из палаты и спокойно пошёл

направо, поскольку напарник вырубленного охранника удалился налево. Ну как, спокойно... Шаркал, прихрамывал и старался не упасть, иногда приходилось держаться за стеночку. Ещё и пистолет доставлял определённые неудобства.

Лишь в фильмах гангстеры спокойно носят пистолет за ремнём брюк, в жизни же подобный способ переноски оружия крайне неудобный — штаны постоянно сползают, ствол холодит поясницу, мешает и всё время норовит уползти дальше.

Поплутав и несколько раз чуть не упав на пол, всё же сумел выйти из здания. Восьмиэтажное строение раскинулось на приличной территории в окружении парка, который был огорожен стальным решётчатым забором. В моём состоянии лезть через забор нереально, поэтому пришлось идти к проходной.

На удивление, охранник в чёрной форме даже не оторвал взгляда от смартфона, он увлечённо смотрел какой-то видеоролик пока я, прихрамывая, ковылял мимо.

Оказавшись на улице, понял, что удача стала ко мне менее благосклонна. Со стороны больничного комплекса по пешеходной дорожке мчался крепыш в зелёной форме, в руках у него был зажат пистолет. До него было метров сто, на бегу через кусты он вряд ли мог разглядеть меня, но долго это не продлится.

Возле проходной были припаркованы автомобили. В одном из них, белом Ситроене с тонированными окнами за рулём сидел средних лет мужчина. Я подошёл к машине, распахнул водительскую дверь и наставил на водителя пистолет.

— Оставь ключи и выйди из салона.

— Что за... — опешил водитель. — Парень, ты хоть понимаешь, на кого наставил оружие? Ты далеко не уедешь!

— БЫСТРО ВЫШЕЛ!

— Ладно-ладно, всё равно к вечеру машина вернётся ко мне.

Держа на весу руки, водитель, внешне оставаясь спокойным, покинул салон автомобиля, но как только распрямился, он кинулся на меня.

Бабах!

Оглушительный выстрел отбросил раненого в правое плечо мужчину, решившего изобразить из себя героя. Убивать его не хотелось, но к несчастью, я не в том состоянии, чтобы вступать в драку или терять время, поэтому пришлось ранить. Глупо лезть врукопашную на вооружённого человека.

Оттолкнув раненого мужчину от автомобиля, я залез на водительское сиденье, повернул ключ в замке зажигания, воткнул режим драйв коробки автомат и резко тронулся с места. Когда соскочил с бордюра, раздался противный скрежет порога и стук отбойников амортизаторов.

Сзади раздались выстрелы. Я гнал, вдавив газ в пол. Раздался звонкий металлический звук и хлопок, пассажирское сиденье дёрнулось. Машинально отметил попадание в него пули со стороны задней двери. Что же, не повезло владельцу автомобиля, мало того, что по глупости оказался раненым, теперь ещё и машину серьёзно ремонтировать придётся.

Резко свернул направо и выскочил на встречную полосу, обгоняя медленно ползущие автомобили.

Закреплённый на стекле навигатор заботливо демонстрировал карту и моё местоположение. Далеко уезжать не стал, поскольку примерно представляю, что сейчас начнётся: погоня, рассылка ориентировок на меня и угнанный автомобиль полицейским, план перехват на всех постах.

Выехав на Волоколамское шоссе, я свернул на ближайшую развязку, проехал под автострадой и припарковался в безлюдной промзоне неподалёку от полуразобранного жёлтого асфальтоукладчика. Навигатор указывал, что я нахожусь на улице под названием Первый Красногорский проезд.

На водительском сиденье Ситроена лежала чёрная кожаная сумка. Прежде чем покинуть салон автомобиля, обыскал её. В сумке обнаружился бумажник с кредитными картами, правами и семь тысяч триста рублей наличными. Тут же лежала красная корочка капитана ФСБ. Что же, вполне логично, кто ещё мог припарковаться возле госпиталя ФСБ...

Забрав деньги, я поковылял по проулку, слева расположились пара офисных зданий, справа в землю вросла стальная будка, подпирающая ржавый забор промбазы, вокруг будочки были припаркованы старенькие, выдавшие виды иномарки. Обойдя по кругу промбазу, внутри которой через щели в заборе были видны трактора, строительная техника, самосвалы и асфальтовые катки, я неспешно вышел к станции «Стрешнево».

Когда в последний раз был в Москве, то подобной станции не было и в помине, так что пришлось расспрашивать аборигенов что это за ветка. В итоге удалось сориентироваться и сойти на станции «ЗИЛ». Там пересел на электричку до «Узуново».

Электрички в моей ситуации — самый оптимальный вариант. Документов нет, скоро объявят в розыск. Уехать на автобусе и поезде невозможно, улететь на самолёте тем более невероятно, куда-либо добираться автостопом опасно — на постах ДПС дорожные полицейские могут останавливать автомобили и проверять документы у всех пассажиров. А на электричках можно пересечь большую часть страны без документов, а при хорошем здоровье даже без денег. Но это не мой вариант, поскольку сейчас не в состоянии бегать от контролёров.

Казалось бы, понятно, что меня теперь будут ждать дома. Наверняка чекисты устроят засаду,

но не хочу им отдавать то, что оставил мне отец. Долбаный телепат и так лишил меня остатков здоровья, превратил в развалину. Когда я посмотрел в окно, то отражение продемонстрировало седые волосы. Всё та же площадка, но белоснежная, лицо осунулось, если судить по нему, то я словно разом постарел лет на десять, а если ещё взять в расчёт седину, то и вовсе можно принять за старика.

Ведь, по сути, я ни в чём не виноват. Спокойно жил после того, как родина выкинула меня пинком под зад. Тут припёрлись чекисты, разгромили квартиру, без объяснений под конвоем отправили в столицу и сразу в камеру, словно какого-то преступника, навешали лапши про биологическое оружие, а на самом деле охотятся за сывороткой, пробуждающей сверхспособности. Телепаты, блин, им нужны, чтобы мысли у людей в головах читать, а то, что это убивает — пофиг. Сволочи! Хер вам, а не телепаты! Лучше себе вколю сыворотку и свалю в другой мир... Если порталная пушка* на самом деле работает и не подохну раньше, чем до неё доберусь...

На станции Узуново я сошёл с электрички. Первым делом купил полный пакет продуктов, доковылял до аптеки и приобрёл лекарства и трость. Выпить таблетки или сделать себе укол в мягкое место не сложно, а вот самому себе ставить капельницу в общественном привокзальном туалете — это довольно сомнительное удовольствие. Тем не менее, капельница помогла.

Сытый, обколотый и с тростью, я уже чувствовал себя человеком, больным, хромым, но всё же, уже мог продолжать путь.

Путешествие на электричках тяжёлое, утомительное и не быстрое. Надо уточнять маршрут, расписания, ждать электропоездов, трястись в полных и душных вагонах. Такой способ путешествий хорош для компаний молодёжи, когда есть здоровье и с кем выпить, поговорить, развлечь себя играми. Я же был совершенно один и предавался безрадостным думам. Сон урывками в неудобных позах, питание в привокзальных кафешках, старательные попытки избегать внимания патрулей сотрудников полиции и приём лекарств, чтобы не слечь парализованным. Несколько дней ушло на то, чтобы добраться до Волгограда.

Мне тридцать пять, а выгляжу на пятьдесят. Воняю как натуральный бомж и воспринимаюсь окружающими соответствующим образом. Почти все похищенные деньги были потрачены, осталось несколько сотен рублей.

С последней электрички сошёл в пригороде Волгограда, тут расположен крупный посёлок городского типа и отсюда до моей дачи идти около пяти километров пешком. Понятное дело, что появляться в таком виде пешком на даче, которая наверняка контролируется сотрудниками ФСБ — подобно самоубийству. Незаметно проникнуть невозможно, следовательно, остаётся лишь один вариант — резкий налёт и быстрый уход от погони.

Вечер был посвящён обходу территории посёлка. Приметив припаркованный у многоэтажного дома автомобиль, я стал ждать. Это была довольно свежая Нива, главное, что только что владелец на ней ездил, следовательно, она на ходу. Нужен был, во-первых, внедорожник, чтобы суметь скрыться от преследования по пересечённой местности, во-вторых, автомобиль должно быть просто угнать. У Нивы отсутствовала сигнализация — это стало ещё одним её

достоинством.

Как вскрыть российский автомобиль, знает, пожалуй, каждый владелец подобного транспортного средства. Для этого не надо иметь кучу инструментов, достаточно знать пару трюков и устройство машины. Дождавшись наступления позднего вечера, когда сумерки сменились ночной темнотой, а во дворе прекратилась активность и он опустел, я спокойно подошёл к автомобилю, вскрыл его, открыл капот и замкнул стартер отвёрткой, купленной по дешёвке в ближайшем магазине. Мотор заурчал, я спокойно сел в салон и выехал со двора.

Добраться до дачного посёлка не составило труда. Припарковавшись на высоком холме, на котором расположена газонапорная подстанция, вышел из автомобиля, двигатель не глушил. Сейчас пригодился бы бинокль, но чего нет, того нет. Пришлось просто вглядываться вдаль. Отсюда открывался вид на мой дачный участок и несколько соседних. Через двор наблюдалась активность, вверх поднималась струйка дыма, похоже, соседи жарили шашлыки. В доме напротив горел свет и пару раз в окне мелькнул слабо различимый с такого расстояния человеческий силуэт. Когда я приезжал сюда в прошлый раз, там жила старушка. Если предположить, что вместо старушки там сейчас засели в засаде бойцы спецподразделения, то им понадобится время, чтобы выбраться из дома. Машин возле двора не было, в окружающих деревьях не наблюдалось подозрительной активности.

Бинокля сильно не хватало, но и в целом без него можно было сделать вывод — где бы ни засела засада, в лучшем случае бойцам понадобится не меньше двадцати-тридцати секунд, чтобы добраться до меня. Машина у них может располагаться на соседней улице, следовательно, у меня будет фора, а значит, можно попробовать рискнуть и сработать нахрапом, нагло, в стиле безбашенных камикадзе, которым нечего терять.

Стоит ли рисковать? Если подумать, о квартире, даче, гараже, в общем, обо всём имуществе можно смело забыть. Чекисты не позволят никак им воспользоваться. С пенсией и документами можно попрощаться, здоровье висит на волоске и требует срочного лечения, а я наверняка уже в федеральном розыске. Если сейчас не рискну, пока ещё хватает сил, уже завтра-послезавтра могу оказаться парализованным овощем, прикованным к койке, а что более вероятно, загнусь в какой-нибудь канаве и отправлюсь напрямиком в социальную могилу.

Может стоило сдать чекистам ПВПВ и всю сыворотку? Отпустили бы они меня после этого? Если подумать, как обыватель, то можно было бы ответить — да, но... Я пятнадцать лет в спецназе отслужил, слово «секретность» знакомо не понаслышке. Где три ампулы, там федералы могут подумать и на целый склад. Сдал бы я всю информацию, всё равно оставался бы шанс, что меня допросит телепат. В итоге остался бы таким же инвалидом, но на свободе. А если бы до телепата не дошло, то у чекистов всё равно остались бы подозрения, что я владею ещё какой-то информацией, так что шанс выйти из их застенков стремился бы к нулю.

Печально, но факт — мне не оставили выбора. Точнее, выбор есть. Можно попробовать бежать за границу, что в моём состоянии сложно. Можно просто сдохнуть под забором. Но я предпочту рискнуть и сыграю в русскую рулетку.

Отец писал о том, что сыворотка может дать случайную сверхспособность, особенно зацепила

способность к мгновенной регенерации. При мысли о таком первым в голову приходит супергерой из комиксов — Росомаха. Он фактически бессмертный. Если сильно повезет, и я обрету нечто схожее — это будет джек-пот! Тогда все чекисты будут не страшны. Будучи здоровым и относительно не убиваемым, я положу всех и свалю в тёплые страны. Человеку, чьей профессией было убивать людей, мысли о возможных жертвах не кажутся чем-то неприемлемым. В девяностые многие бывшие коллеги шли в криминал, большинство из них сложили головы, но единицы пробилась в большие люди. Могу устроиться наёмником в частную военную компанию, повоевать в Африке, а после свалить в США. Через некоторое время службы вполне реально получить Грин-карту и гражданство. А уж если ПВПВ действительно работает, как описывал отец — это вообще золотая жила.

А если не повезёт? Ведь в письме было сказано о любых сверхспособностях... Нет, лучше не думать о плохом. Любое усиление пойдёт на пользу, даже если мозги станут работать лучше — уже хорошо. Хотя неплохо бы заполучить что-то связанное с исцелением. Управлять Силой, то есть всех способностей понемногу, тоже неплохо — джедаи и ситхи в Звёздных войнах смотрелись круто, они вроде и лечить себя могли. Ещё что-то вроде телепатии было бы полезно, не то, что творил тот тип со мной, а, к примеру, внушение мыслей или отвод глаз.

Управление биологией — вообще было бы шикарно. Контролировать все биологические аспекты живых существ — это тоже путь к выздоровлению. Или замещение своих частей тела. Поменял больную ногу, и больше не испытываешь боли, ходишь, как обычный человек. Поменял внутренние органы — стал здоровее. Ещё есть классная способность — неуязвимость. Помню, в детстве, когда читал комиксы, завидовал персонажам со способностью быть невосприимчивым к одной или нескольким формам физического, умственного и духовного ущерба и влияния. Это казалось крутым, да что там, я бы обрадовался такому.

Хуже будет, если приобрету что-то бесполезное или даже вредное, например, начну излучать радиацию... Но отец о подобном не упоминал, вряд ли он оставил бы мне сыворотку, если бы она могла быть вредной.

*Герой называет устройство ПВПВ (пульт в параллельные вселенные) порталной пушкой из-за ассоциаций, а не потому, что оно имеет форму пушки.

<http://tl.rulate.ru/book/84657/2711275>